

ТРИ ДНЯ В АВГУСТЕ 1991 ГОДА

Ю.А. Борко

Аннотация. Публикуемые воспоминания Юрия Антоновича Борко повествуют о событиях в СССР 19–21 августа 1991 г. Автор узнает о произошедшем 19 августа далеко от Москвы. Будучи впоследствии вместе с сыновьями ночью 21 августа перед зданием Верховного Совета Российской Федерации, он описывает происходящее, настроения, царящие среди людей, сравнивает с обстановкой в провинции. При этом автор не стремится давать какие-то оценки. Называя всё произошедшее одними из самых ярких событий в жизни, он говорит, что наиболее значимым было единение с теми, кто вместе с ним был на площади перед Белым домом. Воспоминания позволяют детально рассмотреть тот самый взгляд изнутри и наблюдения отдельного человека, стоявшего в дождливую ночь 21 августа в толпе, а также характеризуют мотивы людей, принимавших участие в тех событиях.

Ключевые слова: Юрий Борко, ГКЧП, СССР, августовский путч, распад СССР, август 1991 г.

Борко Юрий Антонович, доктор экономических наук, первый президент российской Ассоциации европейских исследований (1992–2010), руководитель Центра документации ЕС Института Европы РАН, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, yborko@mail.ru.

THREE DAYS IN AUGUST 1991

Yu.A. Borko

Abstract. The memoirs of Yuri Antonovich Borko presented in the journal tell about the events happened in the USSR in August 19–21, 1991. The author finds out about the incident on August 19th being far from Moscow. Later on in the night of August 21th being situated nearby the building of the Supreme Council of the Russian Federation together with his sons, he describes what is happening, the mood of people, comparing with the situation in the province. The author does not seek to make any assessment. Calling all events happened around him among the brightest events in life, he says that the most important was the unity of those who together with him were on the square in front of the White House. Memoirs allow considering in detail the internal view and observations of the individual standing in the rainy night of August 21 in the crowd, and characterize the motives of people participated in those events.

Keywords: Yuri Borko, State Extraordinary Committee, USSR, August putsch, The USSR crush, August 1991.

Borko Yuri A., Doctor of Science (Economy), the First President of Russian Association of European Research (1992–2010), Director of the Center for Documentation of the EU Institute of Europe RAS, 11, Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia, yborko@mail.ru.

19 августа 1991 г. я встретил в пути. Поезд Москва – Мурманск тронулся с места точно по расписанию – в ноль часов пять минут. Мы, Борис Орлов и я, оказались одни в четырехместном купе, забросили на верхние полки увесистые рюкзаки, скинули поношенные туристские куртки и расположились у окна, напротив друг друга. Путь наш лежал в столицу Карельской республики – Петрозаводск. Местная организация недавно учрежденной в Москве социал-демократической партии России пригласила Бориса Сергеевича Орлова прочесть несколько лекций о социал-демократическом движении в Европе и задачах российской социал-демократии. Он согласился, но с условием, что петрозаводские однопартийцы сначала забросят его на пустынное озеро или побережье Белого моря, где он отдохнет с неделей от московской круговерти, а затем выполнит свою просветительскую миссию. Я напросился в компанию, сказав, что три года ходил на байдарке по навсегда покорившим меня озерам и порожистым рекам Карелии, а местным социал-демократам мог бы прочесть лекцию о европейской интеграции и месте Европы в наших международных экономических и политических связях. Борис позвонил в Петрозаводск, там порадовались и дали добро на мой приезд.

Теперь мы сидели в купе, и монотонный перестук колес напоминал, что мы в пути. Нам было о чем поразмышлять. После моего перехода в Институт Европы нам не часто удавалось встречаться, да и то на каких-либо научных или общественных форумах, где разговор всегда на ходу и второпях. Но было уже поздно, и, обменявшись несколькими фразами, мы улеглись и быстро заснули.

* * *

Мы познакомились в 1971 г. Я второй год работал в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Академии наук СССР, возглавляя в нем Сектор научной информации по проблемам капиталистических стран Европы. Институт был основан в 1968 г. с целью сбора, анализа и распространения обществоведческой информации в нашей стране. На первый взгляд, это выглядело издевательством над истинным смыслом понятий, поскольку первейшей обязанностью всех структур власти и управления в СССР было сокрытие информации. Словом, наглядная иллюстрация к знаменитому роману-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». Но не всё было однозначно в замысле высшей власти, решившей создать этот институт. Чтобы не набивать себе синяки и шишки на международной арене, как это не однажды случалось, она нуждалась в систематической информации, отражающей реальное положение дел в мире. Эта идея была зафиксирована в официальной концепции института, одобренной высшим партийным руководством¹. А раз так, то можно было попытаться, опираясь на эту концепцию, создать систему подготовки распространения достаточно объективной фактической информации о состоянии и тенденциях развития зарубежной, прежде всего западной, общественно-научной мысли, рассчитанную на научное сообщество и преподавателей высшей школы.

С этой мыслью я и принял приглашение Льва Петровича Делюсина, первого директора ИНИОН, перейти на работу в институт и создать новый информационный

сектор. Это было летом 1970 г., а через год в нем появился Борис Орлов. В один из майских или июньских дней 1971 г. мне позвонил секретарь директора института и сказал, что Лев Петрович просит меня и еще двух заведующих отделами приехать к нему. Директор встретил нас в своем кабинете. Рядом с ним сидел мужчина примерно тех же лет, что и я: седой бобрик коротко постриженных волос, лицо худощавое, спокойный взгляд, но в нем чувствуются ожидание и настороженность. «К нам пришел новый сотрудник, Борис Сергеевич Орлов, – представил мужчину Лев Петрович, – он специалист по Германии, германской и европейской социал-демократии. Нам предстоит решить, в каком подразделении он будет работать».

Когда директор назвал мужчину, я ахнул про себя. Мне в конце 1968 г. рассказали о Борисе Сергеевиче Орлове – корреспонденте «Известий», который прибыл 22 августа в составе группы советских журналистов в Прагу и в ответ на задание писать о том, как советские войска сорвали контрреволюционный заговор в Чехословакии и как благодарят их граждане этой страны, ответил, что он командирован писать об успехах строительства социализма в этой стране и ни о чем другом писать не будет. Я кое-что знал и о том, как сложилась его дальнейшая судьба. Но всё же нелишне было удостовериться, что тот и этот Орловы – одно лицо. «Позвольте мне задать вопрос Борису Сергеевичу», – обратился я к директору. Получив согласие, я спросил: «Борис Сергеевич, Вы переходите из Института конкретных социальных исследований?»². Он ответил коротким «да», и я тут же обратился к директору: «Лев Петрович, круг научных интересов Бориса Сергеевича вписывается в тематику информационной работы нашего сектора, и я прошу направить его к нам». Выяснив, что коллеги мои не возражают, директор сказал, что так тому и быть.

Я решил, что могу говорить с Орловым откровенно, и в первом же разговоре о делах выяснилось, что мы единомышленники – и в понимании реальной обстановки в стране, и в той информационной сверхзадаче, которую мы попытаемся выполнить. 20 лет работы в ИНИОН, из которых 19 лет рука об руку с Борисом Орловым, – это отдельная глава моих воспоминаний. А здесь скажу лишь, что нам удалось сделать немало и даже больше того, что мы предполагали.

* * *

Встали мы утром в восемь или чуть попозже, умылись, разложили всякую снедь, которую нам приготовили на дорогу наши женщины – моя Лена и жена Бориса Жозефина, или Жози, как величал ее я, – заказали проводнику пару стаканов чая. И пошел у нас разговор – благо, никто нам не мешал – на непреходящую тему: «Кто виноват» и «Что делать». Обстановка в стране была напряженная. Перестройка зашла в тупик. Михаил Горбачев – теперь уже не только Генеральный секретарь правящей партии, но и первый советский Президент – оказался меж двух огней. С одной стороны, демократическая оппозиция, настаивавшая на проведении радикальных экономических и политических реформ, с другой – косная партийная и государственная бюрократия, а также руководство КГБ и армии,

всё более решительно настроенные на поворот к доперестроечным порядкам. Творец Перестройки явно сбился с курса, и в стране возникал опасный вакуум политической воли. Об этом-то мы и вели разговор, иногда прерываясь, когда я шел в тамбур выкурить очередную сигарету.

Был уже полдень, когда Борис вдруг насторожился и устремился в коридор, бросив на ходу, что по радио передают какую-то важную информацию. Я ринулся за ним, и мы услышали конец сообщения о том, что в стране введено чрезвычайное положение. Но самой ошеломляющей была подпись – временно исполняющий функции президента СССР, вице-президент Геннадий Янаев. Мы вернулись в купе. Нам понадобилось немного времени, чтобы прийти к выводу, что, вероятно, был произведен государственный переворот, который, похоже, напоминал отстранение от власти Никиты Хрущева в 1964 г.

Через два часа мы прибыли в Петрозаводск. Нас ждали. Борис заранее договорился, что здесь нам объяснят, до какой станции надо следовать, где нас встретят и препроводят к выбранному месту нашей стоянки. Но теперь всё это было уже не нужно.

Встретившие нас коллеги подтвердили наше предположение. Пользуясь отсутствием Горбачева, который проводил отпуск в Крыму, его открытые и скрытые противники создали Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), в который вошли семь человек, занимавших самые высокие посты в государственном и партийном аппарате – помимо вице-президента Янаева, председатель Комитета госбезопасности СССР Владимир Крючков, министр обороны Дмитрий Язов, глава кабинета министров СССР Валентин Павлов, секретарь ЦК КПСС Олег Бакланов и т. д. В состав ГКЧП не вошел, но поддержал его председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов, бывший однокурсник Михаила Горбачева, его ближайший друг и соратник в начале Перестройки. Комитет объявил себя высшей властью и ввел чрезвычайное положение в стране.

Но была и другая, неожиданная новость, круто менявшая ситуацию по сравнению с 1964 г. Президент РСФСР Борис Ельцин, избранный всего два месяца назад всенародным голосованием, издал указ, объявляющий создание ГКЧП незаконным актом, и запретил всем государственным органам и иным учреждениям на территории республики исполнять его решения. Это рождало надежду, но непонятно было, на какие силы может опереться Ельцин, если его противниками являются руководство КГБ и вооруженных сил, военно-промышленного комплекса, почти вся верхушка партийно-государственной бюрократии.

Так или иначе, выбора у нас с Борисом не было. Мы объявили нашим новым друзьям, что должны немедленно вернуться домой, и попросили достать нам билеты на первый же поезд до Москвы. Они сказали, что каждый вечер в Москву отправляется поезд, который формируется в Петрозаводске, у них есть свои люди

в городской кассе, и нам продадут билеты из особого резерва. А теперь, добавили они, садимся в машину, по пути купим билеты и поедем к нам.

Трудностей с билетами не возникло, и вскоре мы въехали во двор и поднялись по деревянной лестнице на второй этаж скромного деревянного дома. Там, в арендованных двух комнатах располагалось руководство местной социал-демократической организации. В одной, 10–12 кв. м, стояли два или три небольших стола, на них были размещены телевизор, радиоприемник, компактный серый аппарат, оказавшийся телетайпом, и три-четыре стула. Другая комната, примерно, 15–16 кв. м, была почти пуста: лишь маленький стол и пара стульев у стены. Один из тех, кто встречал нас, высокий мужчина средних лет, на глаз – около сорока, сказал, что через час придут представители всех демократических организаций, согласившихся создать объединенный совет для борьбы против ГКЧП. Он назвал себя секретарем городского комитета социал-демократов, добавив, что преподает в Петрозаводском университете. Обратившись к Борису, он попросил его помочь в составлении резолюции и обращения от имени Совета ко всем гражданам Карелии с призывом сопротивляться попыткам местных сторонников ГКЧП взять власть в городе и республике. Борис спросил, какую позицию заняло руководство петрозаводской организации КПСС. «Мы позвонили им, – объяснил наш собеседник, – и напомнили, что в последнее время они объявили себя сторонниками демократии и реформ, готовыми к сотрудничеству со всеми демократическими силами. Теперь у вас есть возможность, сказал я им, доказать это на деле, выступив вместе с нами против ГКЧП». «Ну, и как они?» – спросил я. «Ответили, что подумают. А Вас я попрошу, – обратился он ко мне, – заняться приемом сообщений, поступающих по телетайпу из столицы и иных городов. Людей у нас мало, и все заняты срочными делами».

Информация поступала часто. Не всё уже помню, но были среди них сообщения о протестах и выступлениях против ГКЧП в Москве, Ленинграде и ряде других крупных российских городов, среди которых мне помнится Горький (ныне Нижний Новгород). В какой-то момент я с удивлением подумал: выходит, никто из членов ГКЧП и их помощников не вспомнил, что в своем знаменитом плане октябрьского восстания Ленин требовал взять под контроль, прежде всего, телефон, телеграф, вокзалы и банки³? Или они были настолько уверены в незыблемости и всемогуществе властвующей партийно-государственной номенклатуры, что не допускали мысли, что кто-то может бросить ей вызов? Я впервые подумал, что организаторы ГКЧП, похоже, дилетанты и по этой части.

Среди присутствовавших людей мое внимание привлекли двое. Одним из них был водитель «Волги», на которой мы приехали с вокзала. По профессии он действительно был водителем-таксистом. При виде другого я сделал широкие глаза: что здесь делает немолодой, за пятьдесят, мужчина в милицеской форме с майорскими погонами? Мне сказали, что майор вышел на пенсию, подался в социал-демократы и был избран членом городского комитета партии, как,

кстати, и таксист. Вскоре они уехали в городскую типографию, чтобы договориться о распечатке первого указа президента Ельцина против ГКЧП. Вернувшись через час-полтора, они рассказали, что директор типографии отказался печатать указ, но им удалось уговорить типографских рабочих отстранить его от руководства (насколько я помню, его заперли в собственном кабинете), и те начали распечатку указа в большом формате и крупным шрифтом.

Позвонив домой, я сказал Лене, что утром мы будем в Москве, и попросил ее сообщить Жози, что Борис тоже возвращается домой. Лена сказала, что центр города забит танками и сидящими на них солдатами. Петрозаводск выглядел иначе. Ближе к вечеру мы прошлись по улицам, вышли к Онежскому озеру, полюбовались красивой набережной. Мирный город, то ли живущий обычной жизнью, то ли притаившийся в ожидании. Ни митингов, ни высыпавших на улицу людей. Никаких признаков чрезвычайного положения, воинских патрулей или хотя бы нарядов милиции. Было какое-то несоответствие между этой картиной мирного города, обрамленного синевой неба и Онеги, и заряженностью маленькой группы людей, взявшихся организовать отпор путчистам. Но вечером, когда мы ехали на вокзал, по главной улице, именованной, как и положено, проспектом Ленина, были расклеены плакаты с указом президента Ельцина.

Мы уезжали из Петрозаводска в приподнятом настроении. Однако сначала пришлось поволноваться. На вокзал мы прибыли за четверть часа до отхода поезда, но первый путь, с которого он обычно отправлялся, был пуст, и получить какую-то информацию оказалось невозможно. Прошло более получаса, и мы почти уверились, что дороги на Москву перекрыты, чтобы изолировать ее от страны (или наоборот, страну от столицы), но как раз в этот момент издалека показался подаваемый к посадке состав.

Мы загрузились в купе, вновь оказались вдвоем, и поезд тронулся в путь. Прощай, Петрозаводск! Я много раз вспоминал этот необычный день, вначале часто, потом реже. А теперь, в августе 2011 г., то есть через 20 лет, мне он вспоминается, как внезапно и на миг раздвинутый занавес, где на сцене открылся небольшой провинциальный город в первый из трех августовских дней, круто развернувших ход российской и мировой истории. Как сложились судьбы тех людей, которые бросили вызов самопровозглашенной диктатуре? Как сказался на них крах ГКЧП? Как они восприняли свалившийся на голову переход к свободе частной торговли и предпринимательства, к взлетевшим в небеса свободным ценам, к «замороженным» вкладам в сберкассах, пусть даже крохотным, но всё же своим, кровным? Подозреваю, что члены городского комитета социал-демократов, с которыми мы повстречались 19 августа, вскоре разбежались в разные стороны – и по взглядам, и в своей жизненной судьбе. А российская социал-демократия так и не состоялась – ни в ее варианте, возникшем при участии Бориса Орлова, ни в нескольких других попытках, кто бы за них не брался.

* * *

В Москву мы прибыли утром, между десятью и одиннадцатью. Встретил меня младший сын Кирилл, подхватил мой объемистый рюкзак и, пока мы шли к автобусу, рассказал мне, что он всю ночь стоял в кольце молодежных отрядов, опоясавших Белый дом. Так тогда именовалось в народном фольклоре белое здание Верховного Совета Российской Федерации, выстроенное в конце 80-х годов на Красной Пресне вблизи от Москвы-реки. В нем 19 августа собрались не только многие десятки депутатов Верховного Совета, пришедшие, как только стало известно о путче и введении войск в столицу, но и Ельцин со своими советниками и помощниками, российское правительство, а также многие лидеры демократических организаций и поддерживавшие Ельцина известные ученые, писатели, деятели культуры.

На вопрос, где и что делает старший сын Дима, Кирилл ответил, что он весь минувший день и всю ночь снимал всё, что происходит на улицах и площадях Москвы, и сейчас участвует в подготовке совместной газеты, которую решили выпустить редакции всех запрещенных газет, в том числе «Независимой газеты», где фотокорреспондентом работал Дима. Первым, что я услышал, когда мы влезли в автобус, был возмущенный женский голос: «И эти морды с трясущимися руками хотят нами править?!». Я в недоумении спросил Кирилла, что это за «морды», у которых трясутся руки. Он засмеялся и ответил, что вчера вечером ГКЧП в почти полном составе дал пресс-конференцию, которую транслировали по всем каналам телевидения. Вел ее Янаев, который нервно перебирал руками, и они дрожали. Кирилл рассказал, что в первую же ночь с 19-го на 20-е к Белому дому устремились тысячи москвичей, главным образом молодых. Началось строительство баррикад и формирование «сотен», образовавших плотное кольцо вокруг здания.

Я решил доехать до Института Европы. Он был расположен на Моховой, в одном из зданий, ранее принадлежавших МГУ. В нем до переезда в новые здания МГУ на Воробьевых горах был расположен геофак. Самое сердце столицы. Танки заполнили Моховую, Манежную площадь и улицу Горького (ныне Тверская). На танках сидели танкисты, на грузовиках – солдаты. Институт был почти пуст. На своем месте находились директор Виталий Владимирович Журкин и несколько сотрудников из аппарата дирекции и хозяйственной части. Заглянув к Журкину, я узнал от него некоторые подробности путча и возникшей обстановки в Москве. Сам он был избран на состоявшемся летом 1990 г. съезде КПСС в состав Центрального комитета и на последнем пленуме был в числе тех его членов, которые сорвали попытку консервативного крыла снять М. Горбачева с поста первого секретаря ЦК КПСС. По его словам, в структурах власти и политических кругах произошел раскол, царил сумятица, и каков будет исход событий, пока неясно. Я рассказал ему о Петрозаводске, и он выслушал меня с большим интересом, потому что в столице узнать и понять, что происходит в провинции, было почти невозможно.

Когда я вышел от директора, в коридоре мне встретились два наших аспиранта – Аркадий Мошес и Миша Баринов. Оказывается, они печатали и распространяли среди солдат текст указа Ельцина. Аркадия арестовал какой-то офицер, кричавший, что таких агитаторов надо расстреливать. Он заставил Аркадия залезть в грузовик под охрану находившихся в нем солдат. Вскоре офицер ушел, и они отпустили арестованного под честное слово, что он не будет заниматься агитацией против новой власти. Ребята тут же вернулись в институт, отпечатали новую кипу листовок и вновь отправились раздавать их солдатам. Танки были окружены молодежью, среди них много девушек, вступавших в разговор с солдатами. Было немало пожилых женщин, приносивших голодным танкистам и десантникам еду и воду. Настороженные и, похоже, не понимавшие, зачем их подняли по тревоге и погнали ночью в Москву, солдаты постепенно оттаивали, что никак не входило в планы ГКЧП и армейского командования.

Делать в Институте было нечего, и я вернулся домой. Не помню, чем я был занят, но в середине дня, между двумя и тремя часами, раздался звонок. Звонила бывшая сотрудница моего отдела в ИНИОН. «Юрий Антонович, – сказала она, – ваш Дима наверняка вчера был у Белого дома и делал снимки. Скажите ему, что этой ночью туда ходить не надо. Я звоню из телефонной будки и заканчиваю разговор». В трубке раздалась короткая гудки.

Я был потрясен звонком. Ее муж был профессиональным разведчиком. Работал он, с перерывами, в разных странах «под крышей» советских посольств и в конце 1990 г. вернулся в Москву. Его жена могла позвонить мне только с его ведома и по его поручению. Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажу, что через некоторое время я побывал в гостях у них, и ее муж подтвердил, что именно он просил ее предупредить меня. Мы долго разговаривали об августовских днях, но это уже иная тема.

Звонок О.Н. был очень убедительным подтверждением слухов о готовящемся военном штурме Белого дома с использованием элитных подразделений «Альфа» и «Вымпел», а также воздушных десантников. Эти слухи ходили по Москве с самого утра, а возможно, со вчерашнего вечера. Я пересказал разговор моей жене. Она спросила, смогу ли я найти Диму. «Найти смогу», – ответил я и, помедлив, закончил, – «Я не смогу удержать Димку и Кирилла, они пойдут к Белому дому. Значит, я пойду с ними». Мы встретились глазами. «Позвони ребятам и расскажи о звонке», – сказала Лена, и на этом наш разговор закончился. Я дозвонился до обоих довольно быстро, сообщил, не называя источника, о полученной информации, оба ответили, что знают о возможном ночном штурме и вечером пойдут к Белому дому. С Димой мы решили идти вместе, а с Кириллом – что найдем друг друга на месте.

Лена приготовила нам бутерброды и доверху налила горячего чая в трехлитровый китайский термос, который я купил то ли в Пекине, то ли в Монголии, и которым мы пользовались в самых редких случаях. На этот раз, поскольку мы уходили на

всю ночь, он был как нельзя кстати. Ночь обещали дождливую, и мы захватили зонтики. Вышли из дому в девятом часу вечера и вскоре оказались на станции метро «Краснопресненская». Люди выходили из всех вагонов, образовав поток, текущий по перрону в одну сторону – к ближайшему от Белого дома выходу из метро. Шли молча и сосредоточенно, и во всем этом, в размеренном движении и сосредоточенных лицах, чувствовались решимость и готовность к тому, что может произойти этой ночью. Это было первое сильное впечатление в тот вечер, и картина перрона с движущимися людьми осталась в памяти.

* * *

О трех августовских днях 1991-го, особенно о ночи с 20-го на 21-е, прошедшей в ожидании штурма Белого дома, опубликовано множество книг и статей. Я расскажу лишь о нескольких эпизодах, участником или свидетелем которых мне пришлось быть, и о личных впечатлениях. Начну с того, что я никак не ожидал увидеть такого скопления людей. Я помнил митинги на Манежной площади в 1990–1991 гг., на них собиралось до 250–300 тысяч человек. Заполненная людьми территория вокруг Белого дома была просторнее, чем площадь между гостиницей «Москва» и Манежем, но там они стояли плотной толпой, а здесь рассредоточились по всему пространству. Во всяком случае, это было несколько десятков тысяч людей, в основном москвичей; к ним присоединилось немалое число приезжих из подмосковных городов и поселков. Люди очень разные – по возрасту, одежде, манере держаться. Некоторое время я стоял рядом с седым мужчиной в штатском костюме; на левой стороне его пиджака были расположены в три ряда планки боевых орденов и медалей. Позже мне встретился седовласый мужчина в генеральской форме. Недалеко от того места, где я провел первую половину ночи, горел костер, вокруг которого расположилась веселая компания «хипушников», пацаны с петушиными гребешками и девчонки с экзотическими прическами, большинство – с размалеванными лицами.

Незнакомые люди, оказавшись рядом, легко вступали в разговор. Видимо, само присутствие в данном месте и в данное время служило кредитной карточкой доверия, которую они незримо предъявляли друг другу. Чаще всего разговор завязывался вокруг двух тем: состоится ли штурм Белого дома и кем является Михаил Горбачев – жертвой переворота или его скрытым соучастником? Что касается первого вопроса, то никто ничего не знал, и разговоры сводились к обмену слухами и домыслами. Второй же вопрос вызывал споры. Одни были убеждены в том, что заговорщики действуют с ведома Горбачева, другие возражали, полагая, что он стал заложником «гекачепистов».

Уже за полночь эта дискуссия возобновилась самым неожиданным образом. По площади мгновенно разнеслось известие, что к Белому дому направляется недавний сподвижник Горбачева и бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе. Я поспешил в ту сторону и вскоре увидел его. Он шел в сопровождении нескольких человек. Один из них – накрапывал дождь – держал над ним

большой зонтик. Кто-то из толпы спросил его о роли Горбачева в создании ГКЧП. Экс-министр без промедления и весьма решительно ответил, что необходимо провести тщательное расследование, но, по его мнению, Горбачев знал о заговоре и предоставил его участникам свободу действий. Шеварднадзе торопился, и разговор продолжался уже без него. В ходу была версия, что, предоставив свободу действий «гекачеписстам», Горбачев рассчитывает выиграть в любом случае. Победят они – он вернется незапятнанным к исполнению обязанностей президента, после того как они выполнят всю «грязную» работу, скрутив голову Борису Ельцину и демократам. Проиграют – и он появится в Москве как президент, отказавшийся сотрудничать с ГКЧП и освобожденный победившим народом. Мог ли кто-нибудь из спорящих предположить, что через два дня завершится история Советской власти, а через три с половиной месяца – история Советского Союза?

Вскоре после нашего прихода мы прослушали сообщение, которое транслировалось громкоговорителями, установленными на всех четырех сторонах Белого дома. Это был набор рекомендаций, как себя вести в случае военной атаки. Нас призывали ни при каких обстоятельствах не оказывать сопротивления и, если начнется стрельба, лечь на асфальт. Не рекомендовалось приближаться к оцеплению, перекрывавшему основные подходы к площади с трех сторон – от Садового кольца, Красной Пресни и по набережной Москвы-реки от Бородинского к Новоарбатскому мосту. Дима, вооруженный фотокамерой, отправился, как он сказал, «работать», договорившись со мной, где я буду находиться. У него был пропуск журналиста, и это давало ему возможность выходить за пределы того пространства, которое было отведено для остальных. Вернувшись, он рассказал, что вокруг площади создано двойное оцепление: внешнее – чтобы попытаться остановить, не вступая в столкновение, воинские подразделения, направленные штурмовать Белый дом; внутреннее – чтобы не подпускать к опасной черте тех, кто собрался на площади. Это решение было разумным. Если бы возникла чрезвычайная ситуация, в разношерстной толпе наверняка оказались бы люди с неустойчивой психикой, а возможно, провокаторы, которые спровоцировали бы военных к применению оружия.

Где-то ближе к полночи над площадью первый раз прозвучало предупреждение о том, что в сторону Белого дома продвигается воинское подразделение, всем собравшимся следует соблюдать спокойствие и выполнять в случае необходимости те рекомендации, о которых было сказано раньше. А что еще могли предложить нам находившиеся в здании люди, бросившие вызов ГКЧП? Военным, особенно спецподразделениям, получившим приказ штурмовать Белый дом, не помешали бы ни наспех возведенные баррикады (пустые троллейбусы и грузовики, бетонные плиты, железная арматура и прочее) со стороны Пресни, Садового кольца и набережной, ни безоружные граждане на площади, сколько бы их не было. Это было понятно с самого начала, и теперь, в ожидании того, что казалось уже почти неотвратимым, я задавал себе лишь один вопрос: каким количеством жертв будет оплачен этот штурм? В конечном счете, все зависело от того, готовы ли «гекачеписсты» к массовому кровопролитию.

Позже стало известно, что командиры подразделений «Альфа» и «Вымпел», выяснив обстановку на площади, отказались пробиваться к зданию сквозь многотысячную толпу безоружных граждан, и что в самом ГКЧП начались разброд и шатание. Но собравшиеся на площади люди знать этого не могли. Вскоре после объявления тревоги из Белого дома вышли несколько человек, и среди них – депутат Верховного Совета Виктор Шейнис. Мы познакомились в конце 60-х годов и были в товарищеских отношениях⁴. Я спросил его, как складывается обстановка. Он ответил: «Неопределенно и тревожно. По городу передвигаются колонны бронетехники. Мы едем навстречу той, которая направляется в нашу сторону». В течение ночи депутаты выезжали встречать военные подразделения несколько раз. Среди них я встретил еще одного моего товарища Владимира Лукина⁵. Он сказал примерно то же, что и Виктор, добавив, что ситуация меняется то худшую, то в лучшую сторону, но каков будет исход, пока неясно.

За ночь состояние тревоги объявлялось и отменялось несколько раз. Вскоре после полуночи со стороны Садового кольца послышались выстрелы. Ночное небо прошили огненные траектории автоматных очередей. Через считанные секунды стрельба прекратилась, но, видимо, что-то случилось, потому что через десяток минут мимо нас почти бегом проследовали несколько депутатов Верховного Совета. А произошло там первое и, к счастью, последнее столкновение между военными и защитниками Белого дома. Три бронетранспортера с солдатами, следовавшие по Садовому кольцу в сторону Смоленской площади, наткнулись в туннеле под Новым Арбатом на баррикады. Путь им преградили путь молодые ребята, попытавшиеся остановить первую машину. Трое – Дмитрий Комарь, Владимир Усов и Илья Кричевский – остались лежать на асфальте. Подробности этого события много раз излагались в разных изданиях, его описание можно найти в Интернете. Я приведу лишь заключительную фразу из того, что мне рассказал Дима. Он был в числе первых, кто поспешил к туннелю, как только оттуда донеслись звуки выстрелов, и оставался там вплоть до того момента, когда военный комендант Москвы генерал-лейтенант Семенов и депутаты Верховного Совета договорились о том, что экипажи и десантники погрузятся в свои бронетранспортеры, которые отправятся по назначенному маршруту патрулирования. «Самое печальное, – закончил Дима, – что никто никого не хотел убивать. Ребята в оцеплении перешли допустимую грань риска, а командир и водитель бронемшины, оказавшись в неожиданной ситуации, действовали в состоянии стресса».

Как выяснилось позже, это была кульминация ночного бдения десятков тысяч людей у Белого дома. Но на исходе ночи, когда на востоке небо начало светлеть, репродуктор оповестил нас, что к западу от Москвы высадились части Псковской военно-воздушной дивизии, не помню, то ли один, то ли два полка, и начали продвигаться к столице по Минскому шоссе. Вскоре стало известно, что навстречу им направилась представительная делегация депутатов Верховного Совета, рассчитывавшая остановить их на подходе к Москве. Видимо, в российском руководстве заволновались, что противник может воспользоваться усталостью москвичей, и диктор

призвал их не расходиться. Вновь усилилось внутреннее напряжение. Несколько десятков людей, и мы с Димой в их числе, поднялись на пологий пандус, по которому раньше к центральному входу в здание СЭВ подъезжали избранные персоны. Светлело. С пандуса просматривался уходящий от моста Кутузовский проспект вплоть до того места, где в него вливалась старая Дорогомиловская улица, и он свертывал влево. Шел шестой час, дождик прекратился, и видимость улучшилась.

Вдруг кто-то выкрикнул: «Танки!». Действительно, из-за поворота выползла машина, вроде бы напоминавшая танк. Она медленно ползла по проспекту. Но что-то было не так, не складывалось: если это танк, то почему один, а если нет, то что это такое? Между тем, странная машина подошла к входу в туннель, проложенный под Дорогомиловкой, и начала разворачиваться. И всё стало ясно. Я воскликнул: «Смотрите, это же дорожная машина – поливальная или уборочная!». Раздался общий смех, кто-то произнес: «Вот и всё. Пора домой». Было начало седьмого, и народ потянулся к станции метро «Краснопресненская». Пошли и мы с Димой.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Вползающий на площадь перед Белым домом танк, облепленный молодежью, с развевающимся флагом-триколором. Эта картинка обошла весь мир как символ победы российской демократии над путчистами, попытавшимися восстановить безраздельную власть советской партийно-государственной номенклатуры.

Но со временем мне всё чаще стала казаться символическим завершением этой ночи выползшая поутру дорожная машина, которую мы приняли поначалу за танк. Словно иллюстрация к гегелевской идее, что большие исторические события порой повторяются дважды, сперва – как трагедия, потом – как фарс. Захват большевиками власти в октябре 1917 г. обернулся трагедией. Попытка их бездарных эпигонов удержать власть в августе 1991 г. оказалась фарсом. Приписываемые молодому Владимиру Ульянову слова о «гнилой стене – ткни ее, и она развалится», произнесенные в конце XIX в., оказались пророчеством с опозданием на 100 лет. К концу 1980-х гг. советская система прогнила насквозь. Только что родившееся демократическое движение сумело «ткнуть» ее, и она рухнула, к полной неожиданности «всех и вся». Но и российские демократы не снискали себе лавры. Их победа оказалась эфемерной. Взять в свои руки распавшийся механизм власти и заново собрать его они не сумели.

Почему? Сейчас август 2011 года. За 20 лет накопилась гора литературы на этот сюжет, которую, по случаю круглой даты, пополнила новая порция статей, воспоминаний интервью и дискуссий. Российское общество по-прежнему расколото в понимании смысла и значения тех событий. Содержание дебатов, в которых приходилось участвовать и мне, заслуживает отдельного разговора. Скажу лишь, что, на мой взгляд, время для взвешенной оценки роли августа 1991-го в истории России не пришло. Оно придет через многие десятилетия, и оценка наших потомков будет зависеть от того, на какие рубежи выйдет наша страна.

А сейчас я пишу о том, что делал и чему был свидетелем в три памятных августовских дня. За свои 80 с лишним лет мне довелось увидеть и пережить множество событий и перемен. Эти дни запали в память как одно из самых ярких событий в моей жизни. Я имел счастье испытать редчайшее по накалу чувство единения с теми, кто, не убоявшись танков и солдат с автоматами, пришел на площадь перед Белым домом, чтобы отстаивать свое право на Свободу. Я не жалею, что это сделал.

¹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению научной информации в области общественных наук» было принято 22 октября 1968 г. Цели и содержание его деятельности определялись следующим образом: «Создать Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР. Подчинить ему Фундаментальную библиотеку по общественным наукам Академии наук СССР.

а) комплектование и реферирование отечественных и зарубежных материалов по общественным наукам, в первую очередь, по философским, экономическим, историческим, правовым наукам и научному коммунизму;

б) подготовку и выпуск библиографических и реферативных изданий; научно-аналитических обзоров литературы по актуальным проблемам общественных наук, выдачу переводов и фотокопий важнейших научных трудов;

в) информационное обслуживание в установленном порядке партийных и государственных органов, научных учреждений, высших учебных заведений, научно-педагогических работников;

г) координацию и теоретическое обобщение опыта работы по научной информации в области общественных наук;

д) осуществление научных связей с зарубежными научно-информационными организациями».

² Подобно тому, как в области естественных наук в 1947 г. была объявлена антинаучной генетика, в области общественных наук была ошельмована социология как буржуазное учение, враждебное марксизму-ленинизму. Тем не менее, по настоянию президента Академии наук СССР академика М.В. Келдыша, решением фактического высшего органа власти в СССР Политбюро ЦК КПСС от 22 мая 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований, первым директором которого стал вице-президент АН СССР А.М. Румянцев. Он принял в институт группу творчески мыслящих ученых, фактически закладывавших основы отечественной социологии. Был принят в институт, по рекомендации главного редактора «Известий», и Б.С. Орлов. Но в 1971 г. А.М. Румянцев был подвергнут критике за «чрезмерный либерализм», и ему пришлось уйти в отставку с обоих постов. Его место в ИКСИ занял крайний консерватор, член-корреспондент АН СССР М.Н. Руткевич, которому было поручено «очистить» институт от ученых, «ревизирующих» марксизм-ленинизм. Среди них был и Борис Сергеевич Орлов.

³ Имеются в виду письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», написанные им 12–14 сентября 1917 г. и направленные в ЦК партии большевиков, а также его выступления в ЦК непосредственно перед восстанием.

⁴ В 1957 г. аспирант Института Востоковедения АН СССР Виктор Леонидович Шейнис написал в «Самиздате» статью «Правда о Венгрии», критическую по отношению к действиям Советского правительства. Был исключен из комсомола и аспирантуры и шесть лет работал расточником на Кировском (бывшем Путиловском) заводе. В 1964 г. вернулся в науку, был аспирантом, потом сотрудником кафедры современного капитализма Экономического факультета Ленинградского университета. В середине 1970-х он был приглашен работать в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и переехал в Москву. В годы Перестройки он активно участвовал в демократическом движении, в 1990 г. был избран в Верховный Совет РСФСР, где стал одним из лидеров фракции демократов и либералов. В 1993–2003 гг. был членом Государственной думы. С 2003 г. по настоящее время работает в ИМЭМО РАН. Член и один из ведущих деятелей партии «Яблоко».

⁵ В 1960-е годы Владимир Петрович Лукин работал в ИМЭМО, где мы и познакомились. Вскоре он перешел на работу в редакции международного марксистского журнала «Проблемы мира и социализма», издаваемого в Праге. 21 августа 1968 г., когда советские войска вторглись в Чехословакию, он назвал эти действия ошибочными и был немедленно отозван в Москву. В период Перестройки Владимир Лукин стал одним из активнейших участников демократического движения, в 1990 г. был избран в Верховный Совет РСФСР, где вошел в состав фракции демократов и либералов, был избран председателем Комитета по международным делам и членом Президиума Верховного Совета. Один из выдающихся политических деятелей России, дипломат, ученый. В 1992–1993 гг. – Посол Российской Федерации в США. В 1993–2003 гг. – депутат Государственной думы. Один из основателей и руководителей партии «Яблоко» в 1993–2003 гг., из которой вышел после того как был назначен Уполномоченным по правам человека в РФ (2004–2014), и в 2016 г. восстановил членство в партии. С 1997 г. по настоящее время является президентом Паралимпийского комитета России. Профессор Высшей экономической школы, читает лекции по проблемам международных отношений.